

Силэм Юлия Александровна

**ПОНЯТИЕ СУДЬБЫ
В КОНТЕКСТЕ НАРОДНОГО
ТВОРЧЕСТВА**

(на примере устного народного творчества
чувашского народа)

Специальность 09.00.11 - социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание
ученой степени
кандидата философских наук

Работа выполнена на кафедре философии и методологии науки
Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова

Научный руководитель: доктор философских наук,
доцент Белова З.С.

Научный консультант: доктор философских наук,
профессор Феизов Э. З.

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор Пурынычева Г.М.
кандидат философских наук,
доцент Матвеев Г.М.

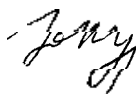
Ведущая организация: Марийский государственный
университет

Защита состоится 27 июня 2003 г. в 14.00 на заседании
специализированного диссертационного совета Д 212.301.04 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук
в Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова
по адресу: 428034, г. Чебоксары, ул. Университетская, 38а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова
(г. Чебоксары, ул. Университетская, 38).

Автореферат разослан « 27 » мая 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук,
доцент

Ю.П. Кульков.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Актуальность данного исследования обусловлена, в первую очередь, необходимостью целостного философского осмысления онтологических аспектов судьбы, позволяющего преодолеть крайности и противоречия в осмыслении данного понятия.

Известно, в наши дни российское общество переживает глубокий кризис, порожденный сменой экономико-политического, духовно-нравственного, культурно-эстетического уклада современной жизни. Перед обществом встает необходимость осмысления собственной культурной традиции, особенностей ее становления и характерных **черт** как для выяснения причин кризиса, так и для поиска путей выхода из него.

В этих условиях нам видится актуальным анализ собственного культурного наследия народа для более глубокого понимания настоящего, и предвидения будущего. В связи с этим особую остроту приобретает в настоящее время мировоззренческий аспект: утрата прежних общечеловеческих ценностей и необходимость новых. А новое обычно воспринимается обществом весьма болезненно. С этой точки зрения обращение к проблеме судьбы актуально, поскольку она остается все еще не разрешенной и спорной.

Особенность проблемы судьбы в том, что она затрагивает одновременно и предельно общие мировоззренческие принципы и ориентации, присущие той или иной культуре, и сферу личностного, индивидуального бытия. Определенная установка по отношению к представлениям о судьбе порождается особенностями культурно-исторических условий его существования и может служить одним из ключей к пониманию сущностных **черт** этого контекста. В частности, через раскрытие содержания понятия «судьба» может быть воссоздано представление о человеке, являющегося носителем и «**регулятивом**» культурных процессов. С этой точки зрения «судьба» может быть охарактеризована как жизненный путь духовного и культурного роста личности.

Изучение подходов к понятию «судьба» позволяет выявить стереотип поведения человека, его отношение к окружающей реальности, оценку им его собственных сил и возможностей. Таким образом, отношение к судьбе выступает как одна из важных характеристик типа личности, формируемого той или иной культурой.

Обращение к теме исследования обусловлено имманентным присутствием в общественном и индивидуальном сознании феномена судьбы (рока). В философии она обычно исследовалась в ходе анализа общественного и индивидуального сознания, при исследовании отношения человека к миру с позиции разума или его отрицания. В истории общественной мысли этот термин переосмысливался неоднократно. Так, идея судьбы одна из фундаментальных категорий античного мировоззрения, охватывающая и формирующая буквально все области человеческой жизни. Судьба в античном сознании не является чем-то случайным и не обязательным, она управляет всем мирозданием, обобщая различные области космоса в персонифицированные образы природных стихий, богов и демонов.

В средние века учение о судьбе непосредственно связано с христианской религией. Идея судьбы оказалась очень удобной для утверждения средневековой иерархии с беспрекословным подчинением каждому своему «жребию». Единый бог христиан уже не терпел конкуренции в предопределении жизненного пути. Монопольное право «исполнить его волю» было передано церкви. В Библии утверждается всемогущество божественного предопределения.

В эпоху Возрождения проблема человека была поставлена в центр философской и общественной мысли. Философы признавали его равной Богу, воспевали его свободу, силу его разума.

В Новое время судьбу обычно понимали как чуждую человеку мощь, как объективную всеобщность, находящуюся вне человека и осуществляющую насилие над его волей.

Понятие судьбы прочно укоренилось в народном миросозерцании, в фольклоре, в живом народном языке. Ее онтологические составляющие присутствуют не только во всех мифологических

но и составляют ядро национального и индивидуального сознания. Это понятие принадлежит к числу активно действующих начал жизни, таинственных и неизбежных.

Сложность научной разработки проблемы судьбы связана с дискуссионностью и недостаточной разработанностью самого понятия, что еще больше стимулирует активность теоретической мысли. Целью изучения является выявление содержания понятий о судьбе. Понятие имеет тем большую научную значимость, чем больше обобщает объекты по самым существенным параметрам.

Под термином «судьба» с точки зрения фатализма понимается предопределенность событий и поступков, совокупность всего сущего, которое влияет и не может не влиять на бытие как человека, так и народа.

Современные философы в своих теориях умаляют власть судьбы, не исключая ее из области переживаний. Поток реально происходящего кажется человеку роковым, ибо он чувствует, что он сам, против его желаний и воли, ни в чем не повинной, включен в этот поток. И это ощущаемое им включенность - простое свидетельство реальности происходящего в нас самих, которое неотвратимо, шаг за шагом, руководит нами в нашей жизни.

Степень разработанности проблемы

Имеется значительное количество исследований, посвященных понятию «судьба». Данная проблема освещена в трудах философов: Гераклита, Демокрита, А. Августина, А. Бозция, П.Абеяра, Альберта Великого, Н. Макиавелли, У.Шекспира, Т.Гоббса, Р.Декарта, Ф. Бэкона, Г. Гегеля, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартра, В. Соловьева, Н. Федорова, Н. Бердяева, А. Лосева, А. Спиркина, П. Алексева, В. Барулина, Э. Феизова, З. Беловой, Н. Исмуква, Г. Пурнычевой, А. Маслихина, А. Петрухина.

Некоторые философы затрагивали проблемы судьбы вскользь, освещая только отдельные аспекты темы. Тем не менее целостных фундаментальных исследований в контексте соотнесения различных сторон данного вопроса с устным народным творчеством на сегодняшний день мало. Наличие вышеуказанных пробелов послужило основанием для выбора темы: **«Понятие судьбы в контексте народного творчества (на примере устного народного творчества чувашского народа)».**

В качестве непосредственного предмета исследования является

идея судьбы в устном творчестве чувашского народа, а **объектом** - совокупность фундаментальных работ классиков философской мысли.

Несмотря на представленность в трудах зарубежных и отечественных авторов отдельных аспектов проблемы, исследований, непосредственно связанных с проблемой судьбы во взаимосвязи с устным народным творчеством, в современной философской науке недостаточно. Данной ситуацией и была обусловлена постановка цели и задач исследования.

Целью диссертационного исследования является выявление философской сущности понятия «судьба» на уровне отдельного человека и народа. В соответствии с поставленной целью решаются следующие **задачи**:

1. Определение сущности проблемы судьбы в истории человечества.

2. Выявление специфики идеи судьбы в устном творчестве чувашского народа.

3. Определение понятия судьбы в контексте современных философских категорий случайности и необходимости.

Методологическую основу исследования составили следующие научные принципы: диалектический принцип историзма и преемственности; принцип объективного подхода к анализу литературного и эмпирического материала; принцип комплексного и системного исследования проблемы, принцип восхождения от абстрактного к конкретному.

Теоретической основой исследования послужили работы классиков философской мысли. В работе использованы данные фольклора разных народов, логические приемы интерпретации, известные лингвистике, также эвристические положения, содержащиеся в трудах известных философов.

Научная новизна исследования

1. Представлен краткий обзор идеи судьбы в истории философии.
2. Выявлена специфика идеи судьбы в устном народном творчестве чувашского народа.

3. Проведен анализ народного творчества в соответствии с современными философскими категориями случайности и необходимости.

Положения, выносимые на защиту

1. Краткий обзор идеи судьбы в истории философии показал, что во все века существовал богатый спектр противоречивых пониманий судьбы среди философов. Но разнообразная трактовка обсуждаемой проблемы не устранена и поныне.

2. Специфика идеи судьбы в массовом сознании чувашского народа состоит в том, что народная мудрость предприняла многочисленные попытки преодоления фатализма судьбы и осознала роль личности и ее свободы в принятии решений относительно выбора поступков.

3. В ходе анализа народного творчества в соответствии с современными философскими категориями выявлены точки соприкосновения между народными представлениями и современными диалектическими концепциями понимания судьбы в контексте категорий случайности и необходимости.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что в нем рассматривается понятие судьбы с точки зрения философских категорий случайности и необходимости.

Данные этого исследования можно использовать при чтении курса социальной философии по темам: «Человек в системе социальных связей», «Человек и исторический процесс; личность и массы, свобода и необходимость», «Смысл человеческого бытия», «Свобода и ответственность», «Мораль, справедливость, право. Нравственные ценности» и др.

Апробация материалов диссертации проведена в процессе обсуждения на научно-практических конференциях студентов и аспирантов Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (2001, 2002, 2003 гг.), на общегородских философских семинарах (г. Чебоксары, 2001, 2002 гг.), в ходе участия в спецсеминаре в марте 2002 г., обсуждения на кафедрах философии и методологии науки и комплексных исследований по философии, на семинаре аспирантов Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Основные идеи и положения диссертационного исследования нашли отражение в публикациях автора.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, двух глав (включающих пять

параграфов), заключения и литературы (158 источников). Общий объем работы составляет 156 с. текста, набранного на

Во «Введении» обосновывается актуальность темы, рассматривается степень разработанности проблемы, намечаются цели и задачи исследования, излагаются полученные результаты и научная новизна, основные положения, выносимые на защиту, показывается теоретическая и практическая значимость исследования и формы апробации работы.

Первая глава - **«Идея судьбы и ее основные истоки в истории человечества»** - посвящена методологическому анализу проблемы судьбы в представлениях различных философов от древности до современности.

В первом параграфе - **«Истоки возникновения понятия судьбы в исторической перспективе»** - рассматривается, что понимание судьбы в любой культуре представляет собой не только отражение бессилия человека перед равнодушием к нему окружающим миром. Человек ощущает судьбу, как проявление произвола высших сил.

В представлениях античных мыслителей существует двойственное отношение к судьбе: или есть предначертанная богами судьба человека, или она является следствием естественных законов природы. Для средневековых мыслителей судьба и свобода воли теснейшим образом связаны с понятием Высшего Блага (Бога). У мыслителей эпохи Возрождения возникает представление о судьбе как материале, которому сами люди придают желаемую форму; отсюда уже происходит понимание судьбы как исторической необходимости; наряду с этим судьба - Фортуна - как результат сочетания строгой необходимости законов и произвола случайностей. С позиции философов Нового и Новейшего времени: 1) понятие судьбы выражает, прежде всего, несвободу; 2) кроме иллюзорной свободы у человека нет другой судьбы; 3) судьба заключена в самом человеке и он способен вынести ее, противостоять ей.

Во втором параграфе - **«Идея судьбы в индивидуальном и общенациональном сознании»** - автор отмечает, что в публичном сознании судьба может быть полностью зависимой от человека,

частично зависимой и абсолютно независимой. Она представляется как обязательный компонент переживаемых событий. Это особенно свойственно религиозно-мифологическому сознанию.

Вместе с тем, сами желания человека определяются как независимые от него самого, как предначертанные теми силами, от которых зависит его судьба.

Этнос, народ, нация относятся к классификации общностей социально-исторического ряда со всеми вытекающими из этой предпосылки исследовательскими задачами и целями. В качестве исторической общности нация является закономерным продуктом развития общества, она возникает в результате естественно-исторического процесса зарождения и совершенствования самых различных социальных форм объединения людей, в силу многообразных причин, приобретая характер устойчивого на протяжении многих поколений общественного образования. В связи с этим и само изучение феномена нации сопряжено с анализом диалектической взаимосвязи общественного бытия и общественного сознания, материальной и духовной культуры, роли и значения объективных условий и субъективного фактора в их историческом развитии.

Национальная идентичность не миф, она реальна. Только ее реальность дает знать о себе, когда она приоритетна по отношению ко всем иным идентичностям. Традиционная для русской мысли (начиная с П. Я. Чаадаева) парадигма национальной идентичности связана с представлением об особом предназначении России, ее всемирно-историческом статусном положении, в котором реализуются и материализуются западные поиски абсолютного мирового Духа. В этом проявляются специфические для русской национальной культуры XIX-XX вв. искания национальной идентичности. Сознательная ответственность за судьбу России требует от нас укрепления личности, организации души, внутренней духовной дисциплины.

Вместе с тем индивидуальная жизнь человека, его судьба зависит от ряда факторов: от развития истории, общественных потребностей, от ближайшего окружения, здоровья, наконец, от случая. Но в каждом из них внешняя, чуждая человеку необходимость может превратиться во внутреннюю линию его жизни («закон жизни»), давая простор для его активной

субъективной деятельности. Человеческую жизнь, становление и развитие личности нельзя упрощать. Жизненный путь человека, его судьба сложны и подчас извилисты. Редко кому удается пройти его без трудностей, неприятностей, которые приходится преодолевать, мобилизуя свои силы. У того, кто ищет «спокойной» судьбы, легкой жизни, как правило, жизнь сера и бесцветна. В таком толковании судьба выступает как связь прошлого и будущего.

В массовом сознании судьба может быть полностью зависимой от человека, частично зависимой или же абсолютно зависимой. Судьба связывается с качествами человека. Поэтому и на уровне обыденного сознания признается, что она может зависеть от личностных качеств самого человека, от его собственных действий. Отсюда же вытекает обратное понимание: покорность судьбе приводит к бездействию.

Вторая глава - **«Понимание сущности судьбы человека в народном творчестве чуваш»** - посвящена философскому анализу и определению понятия судьбы в устном народном творчестве. В первом параграфе данной главы - **«Отражение идеи судьбы в мифологии чувашского народа»** - утверждается, что у всех народов много обычаев и традиций, облагораживающих свой народ. Они проявлялись и в отношении к природе, и в поэзии земледельческого труда, и в устном народном творчестве, и в удивительных народных ремеслах, и в красоте одежды, и в прославленных законах гостеприимства, и в добрых обычаях и вере.

Следует отметить, что в языческой вере чувашей каждому явлению природы, жизни приписывался свой бог - покровитель, который занимал свое определенное место «на лестнице» мироздания.

В народном понимании судьба часто предопределяется как будущее. В соответствии с природосообразностью чуваша пришли к заключению о том, что воспитание человека следует начинать в самом раннем детстве. В народе есть поверье, что трехдневный ребенок согрешил, укусив грудь своей матери. По народному поверью, новорожденный на третий день после своего появления на свет уже должен подвергаться воспитательному воздействию, т.е. сознательному предопределению и в какой-то мере изменению судьбы. Не врожденные особенности, а именно результат воспитания в самом раннем возрасте имеется в виду в пословицах:

«Пулас сын ҫамракранах палла» - «Каков будет человек, заметно с малолетства» (варианты: «со дня рождения», «с младенчества»), «Лаша пуласси тихаран палла» - «Какова будет лошадь, видно по жеребенку, каков будет человек, видно по ребенку», «Ырă ут пуласси тихаран палла, ыра ҫын пуласси ачаран палла» - «Хорошую лошадь можно предсказать по жеребенку, хорошего человека - по ребенку». «Панулмийĕ улмуҫҫинчен аякка укмест». - «Яблоко от яблони недалеко падает». Чуваши настойчиво проводили мысль о том, что детство - лучшее время для воспитательных воздействий на человека, таким образом, предсказывали и судьбу-будущее.

Чуваши когда-то были народом сильным и славным. Нужда и горе не были знакомы им, потому что сам бог, посылая гениев-хранителей на землю, время от времени посылал даже своего первородного сына - Киреметь осматривать землю, предохранять людей от разных невзгод и бедствий и осыпать их счастьем и довольством. Но люди, обольщенные шайтаном, прогневали бога ужасным преступлением. Они убили Киреметь в то время, когда он разъезжал по земле на белых конях в блестящем своем экипаже, и, чтобы скрыть от бога следы своего преступления, они сожгли тело убитого и развеяли прах его по ветру: но там, где пал прах его, выросли деревья, а с деревьями возродился и Киреметь и уже во множестве враждебных человеку существ, которые, впоследствии, через супружества размножаясь еще более, рассеялись по земле, избирая местом жительства поля, овраги и особенно леса и рощи, и, лишенный небесного жительства, Киреметь карает людей всяческими невзгодами и бедствиями.

Отметим, что во-первых, в чувашском понимании «судьба» имеет не столько абстрактное значение, не зависящее от человека, сверхестественных явлений или их череду, сколько конкретные понятия жизни (то есть реальных событий) и человеческого счастья. Это говорит о том, что в сознании чувашского народа «судьба» ассоциируется с естественным истечением реальной жизни отдельного человека или же всего народа.

Во-вторых, в языческой вере чувашей каждому явлению природы, да и самой жизни приписывался бог - покровитель, который занимал определенное место «на лестнице» мироздания. Так, в фольклоре именем «Кебе» называлось у чуваш языческое

божество, управляющее судьбами человеческого рода; ему приписывалось назначение человеку при рождении того или иного удела: одним - счастья, другим - страдания.

В-третьих, в народном творчестве судьба часто предопределяется как будущее. По мнению народа, новорожденный на третий день после своего появления на свет уже должен подвергаться воспитательному воздействию, то есть сознательному предопределению и в какой-то мере изменению его судьбы. Чуваши настойчиво проводили мысль (в основном через пословицы и поговорки) о том, что детство - лучшее время для предсказания и некоторого исправления судьбы (или же будущего) человека. Функции покровителя воспитания и предопределения судьбы выполнял бог Пихамбар-пророк.

В-четвертых, мифология чувашского народа особо подчеркивает, что чувашам судьбою предначертано жить по своим обычаям. В ней судьба человека уподобляется явлениям природы. Природосообразность пронизывает всю жизненную и философскую мудрость чувашского народа.

Во втором параграфе этой главы - **«Представленность и трансформация идеи судьбы в массовом сознании чувашского народа»** - указывается, что сокровищница мировой мудрости в объяснении понятия судьбы неисчерпаема. *Каждая попытка обобщить эту мудрость вызывает, с одной стороны, неподдельный интерес как простого народа, так и ученого люда, а с другой - вполне естественную настороженность. Это прежде всего продиктовано попыткой дать образцы человеческой мудрости от момента возникновения письменности до наших дней.*

Люди отличаются друг от друга многими особенностями, но духовная их жизнь едина по своей направленности и логике развития. В основе духовной жизни лежит единая логика проявления родовых сущностных сил человека – общечеловеческой сущности. Однако для каждого из нас характерен свой индивидуальный почерк; стиль выражения общечеловеческой сущности, вроде уникально-неповторимого тембра голоса. Так и целые народы выражают свое общечеловеческое призвание в национально-характерных для них формах. К одним и тем же объектам устремлен дух разных народов. Все тянутся к Богу и истине, красоте и добру, правому порядку и политической справедливости.

В старинных верованиях чуваш важное место занимает земля:

1) земля, производящая все нужное для чуваша, источник грозы,

2) земля - мать всего человечества. Как дитя привязано к матери, так чуваш привязан к земле, потому что все его занятия связаны с земледелием, и от всех тюрков он отличается тем, что уже исстари, издревле занимается земледелием. Земледелие - исходная точка, от которой отправляется миросозерцание чуваша, по нему ведется счет времени и месяцев, совершаются жертвы богам и др. Земледелие, как необходимый характерный фактор жизни, определяет судьбу чуваша, всего чувашского народа. То, что чуваш представляет землю матерью и отношения свои к земле как бы уподобляет отношениям младенца к его матери, явствует из изречения: «Пире сёр какри тарантарать» («Нас кормит земля своей грудью»). Когда человек ходит по земле, он ходит по земной груди.

Большим подспорьем в решении этой проблемы становится эпос. Чувашский эпос - это Улып, сохраненный в памяти многих поколений, величайшее достояние чувашского народа. Из рода в род, из поколения в поколение передавались среди чувашей сказания о добром великане Улыпe. Сказания об Улыпe - это не просто сказки о богатыре, в них история и судьба народа, размышления и поиски своего места в числе других национальностей.

Эпическое творчество народа выражает те глубинные пласты науки, которые смело можно отнести к самым древним архитипическим образованиям.

Счастье чувашей - это и письменность (каменные письма, сохранившиеся до нашего времени), и просветительных (19-20 вв.) Чувашское счастье - это дружба с другими народами (особенно соседями - русскими, в том числе с татарами, башкирами, мари, мордва и другими нациями).

Фольклорные тексты - это полиэлементные комплексы, и обеспечивающие аудио-визуальный механизм трансмиссии духовной культуры. Более того, народный характер, по нашему мнению, достаточно устойчив, за всеми колебаниями его можно отыскать одни и те же скрытые, но всегда присутствующие потенции: так что из глубокого понимания характера можно прочесть всю его

судьбу. Разгадку национального характера следует искать в бессознательной сфере народной психологии и устного творчества.

Вместе с тем в верованиях и жизни чуваш важное место занимает земля, которая становится исходной точкой, от которой отправляется мирозерцание чуваша, по нему ведется счет времени и месяцев, совершаются жертвы богам и пр. Таким образом, в сознании чувашского народа и понимании судьбы напрямую связано с поклонением «матери-земле».

Фольклор как неотъемлемая часть духовной культуры должен, разумеется, изучаться в единой системе последней. Множество прямых аналогий и единства развития, обнаруживаемые в мифологии, сказках, обрядах и обрядовом фольклоре, песнях и загадках народов Европы, Азии, Африки, Океании, справедливо оцениваются как одно из наглядных проявлений единства человечества, общих закономерностей развития культуры. Фольклор, как выражение уровня мировосприятия этноса, претерпевает в своем историческом процессе такие изменения, что имеющиеся в распоряжении науки вербальные тексты оказываются недостаточными для целостного представления о предшествующих типологических состояниях соответствующих жанров. И здесь мы начинаем сознавать силу методологии неперспективного анализа фольклорных жанров путем привлечения различных компонентов как духовной, так материальной культуры.

Третий параграф второй главы - **«Судьба в контексте современных философских категорий случайности и необходимости»**. Автор исследования утверждает, что необходимость и случайность, как обозначение двух полюсов, управляющих всем, что происходит (как «устанавливается», так и «случается») в мире и соответственно, что есть в нем, что выступает как его «полный» состав. Но смысловая полярность этих двух понятий не исключает переклички их на уровне, открываемом внутренней формой этих слов, как она вырисовывается в свете этимологии, и тем самым объединяет их – при всем их различии – в некоем едином классе явлений. Об этом единстве двух полюсов – судьбы, полностью чуждой случайности, и случая, никогда не выступающего как необходимость, – можно догадываться и по тому, что между ними все-таки лежит некое промежуточное пространство,

заполненное явлениями «переходно-соединяющего» характера - воля богов, духов, разных сил - добрых, злых и нейтральных, - которые в одних случаях достаточно мощны, чтобы их принимали как судьбу, а в других - достаточно слепы (хотя и не абсолютно), чтобы отождествлять их волю с действием случая.

Случайность и необходимость находятся в диалектическом единстве и составляют два полюса в общей цепи связей, существующих в природе и обществе. Они предполагают друг друга и существуют во взаимосвязи. За случайностью надо уметь видеть необходимость. В природе и обществе нет «только» необходимых или «только» случайных явлений. Отрицание случайности и признание всех явлений только необходимыми приводит к ложным представлениям, что якобы все развитие природы, общества и человеческой жизни происходит по заранее предначертанному плану. Точка зрения, которая признает только необходимые связи в природе и обществе и отрицает случайность, в философии называется фатализмом. При таком понимании сущности, необходимости и случайности человек становится игрушкой рока, судьбы. Фаталистическое понимание необходимости приводит к отрицанию случайности. Согласно взглядам фатализма люди живут в жестких рамках необходимости. Нет свободы выбора в их повседневной жизни. Они утверждают, что любое событие роковым образом предопределено, и ничто не может помешать его наступлению. В своей повседневной жизни мы часто слышим такое утверждение: «чему быть, того не миновать».

Категория случайности и необходимости играют важную роль в понимании такого жизненного явления, как судьба человека. Если руководствоваться наукой, то судьбы, заранее предопределенной сверху, Богом, нет. Этот вопрос волнует каждого из нас, потому что люди хотят знать, что ожидает их в будущем. Если сказать откровенно, то в какой-то степени наше будущее - это «темный лес». Хорошо или плохо незнание будущего в личной жизни человека? Наверное, и плохо, и хорошо. Если мы заранее знали бы все о своей судьбе, то трудно представить, что было бы с нами. Если человека ожидает несчастная жизнь, неудачи и личные трагедии, и об этом он знает, то трудно предсказать его сегодняшнее поведение. Может быть, лучше не знать своего будущего, а жить и надеяться на лучшее.

Но это не значит, что надо сидеть «сложив руки», ждать манн небесной.

Отметим, случайность и необходимость, как обозначение двух полюсов, управляющих всем, что происходит, находятся в диалектическом единстве и составляют два полюса в общей цепи связей, существующих в природе и обществе. Они предполагают друг друга и существуют во взаимосвязи. Более того, можно смело утверждать, что в жизни человека, да и в явлениях природы, нет «только» необходимых или же только случайных явлений. Именно поэтому отрицание случайности и признание всех явлений только необходимыми или же их обратное утверждение приводит к ложным представлениям.

Вместе с тем категория случайности и необходимости играют важную роль в понимании такого жизненного явления, как судьба человека. Случайность как философская категория согласовывается с понятиями судьбы. Закономерное соотношение случайного и необходимого таково, что необходимость прокладывает себе дорогу через массу случайностей. При этом категорий случайности и судьбы имеют две крайности: фатализм и волюнтаризм.

С другой стороны случайность находится в некоторой зависимости от необходимости. Такая зависимость представляет философию железной необходимости: полной предопределенности всего совершающегося в мире - жесткая причинность, без каких-либо отклонений от магистральной линии связи причины и следствия. На наш взгляд фатальная вера в подобную «запрограммированность» всех будущих событий Вселенной, исключая возможность возникновения каких бы то ни было случайных явлений, глубоко ошибочна.

От судьбы (как и от случая) не уйдешь; судьба свершается (или сбывается), а случай случается, и цена при дурном исходе - будь то судьба или случай - для человека по существу одинакова: незащищенность и хрупкость человеческого существования, несоизмеримость его «оборонительных» возможностей с «силами» судьбы и случая таковы, что любая из встреч с ними для человека практически равно гибельна. Эта ситуация как раз и объясняет тот отчетливо «антропологический» акцент, который определяет проблему судьбы и случая. В этом акценте слышится пронзительная личная нота, потому что каждый человек ждет свою судьбу и

предается своей судьбе, как и своему случаю (разница между ними лишь в том, что судьба есть и приговор ее неотменим, тогда как случая может и не быть, если в плане судьбы он отсутствует; но если он присутствует в нем, он случится тоже только как свой случай).

Если бы возможность была иллюзией, то будущее с нами только «случилось бы», и тогда парадоксом было бы вечное превращение случайности в необходимость. Воплощение же возможности в действительность и ее застывание в необходимость не является парадоксом. Ибо возможность и действительность, хотя и находятся в состоянии диалектического напряжения, но дополняют, а не исключают друг друга (в то время как случайность и необходимость, очевидно, исключают друг друга).

Корень случайности в том, что действительность равнодушна по отношению к возможностям, что действительности все равно какая возможность воплотится. Но возможности не могут быть равнодушны по отношению к действительности. Определение бытия **возможности** – в возможности бытия. Случайность означает недетерминированность или непредвиденность. Здесь, опять-таки, нужно различать между случайностью в субъективном смысле, т. е. событиями, не входящими в наши расчеты и нарушающими их (хотя иногда возможны счастливые случайности). Под случайностью в объективном смысле нужно понимать полную недетерминированность события, его возникновения без всякого достаточного основания. Случайность в субъективном смысле – полезное понятие. Оно указывает на то, что мы не приняли во внимание всех факторов, или что та система координат, из которой мы исходим, недостаточно охватывает всю совокупность явлений.

В рамках философского монизма для случайностей нет места: в данной системе все «детерминировано» – если мы не признаем свободы. Но признание свободы индивида неизбежно ведет к плюралистической метафизике, в рамках которой свобода только и может быть призвана. И только плюралистическое мирозерцание создает предпосылки для возможности случайностей (в объективном смысле понимаемой).

Как отмечают ряд античных и современных философов, случайность – это продукт сложного переплетения событий, не имеющих непосредственной связи друг с другом, результат перекрестного замыкания их. В точке пересечения таких событий

рождается случайность. Явления приобретают марку случайности или необходимости не сами по себе, а входя в определенные отношения друг с другом. Необходимость также, как и случайность, проистекает из взаимосвязей (и отношений) явлений. Но в отличие от случайности необходимость проистекает из внутренней, глубинной сущности взаимодействующих друг с другом явлений.

Закономерное соотношение случайного и необходимого таково, что необходимость прокладывает себе дорогу через массу случайностей. «В природе - заметил Ф. Энгельс, - где также как будто господствует случайность, мы давно уже установили в каждой отдельной области внутреннюю необходимость и закономерность, которые пробивают себе дорогу в рамках этой случайности. Но что имеет силу для природы, имеет также и для общества. Чем больше какая-нибудь общественная деятельность, целый ряд общественных процессов ускользает из-под сознательного контроля людей, выходит из-под их власти, чем более эта деятельность кажется предоставленной чистой случайности, тем больше с естественной необходимостью пробивает себе дорогу в рамках этой случайности свои собственные ей внутренние законы».

Необходимость проистекает из взаимосвязей, основанных на сущностных аспектах вещей и явлений, из таких свойств, без которых данные вещи не могут рассматриваться именно как данные вещи. Случайность - это результат «столкновения» событий, внешних и чуждых друг относительно друга. То или иное количество волос на голове - это явно случайность, но какое-то точно неопределенное («размытое») количество их - это необходимость. И в генетическом коде зародыша нет точно указанного количества, есть лишь некоторое приближение, необходимое для обеспечения качества - волосатости.

Вместе с тем нет «голой» необходимости, и абсолютно чистой случайности. Точно в таком же отношении находятся общее и единичное. Динамичные законы однозначны, но в деталях, в каких-то параметрах они тоже колеблются как человек каждый раз ставит свою подпись по-разному, но в то же время с характерными для него стабильными чертами.

Случайность как философская категория согласовывается с понятиями судьбы. Очень часто случайность воспринимается как откуда-то из неизвестности взявшееся несчастье, т.е. «как снег,

упавший на голову». При этом она растолковывается как внезапность, трагичность, неопределенность, загадочность. Между тем неожиданное счастье воспроизводится безболезненно: как будто так и нужно.

Категории случайности и судьбы имеют две крайности: фатализм и волюнтаризм. Так, фатализм - это, во-первых, мистическая вера в неотвратимость судьбы, в то, что все в мире якобы заранее предопределено таинственной силой, роком. Во-вторых, представление о неотвратимой предопределенности событий в мире, вера в безличную судьбу (антич. стоицизм), в неизменное божественное предопределение (особенно характерна для ислама). Как видим, оба эти определения не имеют существенного разногласия в значении, а лишь взаимодополняют друг друга.

Случайность - это продукт сложного переплетения событий, не имеющих непосредственной связи друг с другом, результат перекрестного замыкания их. В точке пересечения таких событий рождается случайность. Явления приобретают марку случайности или необходимости не сами по себе, а входя в определенные отношения друг с другом. Необходимость также, как и случайность, проистекает из взаимосвязи (и отношений) явлений. Но в отличие от случайности необходимость проистекает из внутренней, глубинной сущности взаимодействующих друг с другом явлений.

Заключение диссертации содержит общие выводы и рекомендации, основанные на результатах исследования.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

1. Счастливая судьба // Знамя. - 2000. - № 1. - С. 85-86.
2. Истоки возникновения судьбы в исторической перспективе/ / Гуманитарно-правовые и социально-экономические проблемы реформируемой экономики на современном этапе. - Чебоксары, 2002.- С. 10-33.
3. Литература и судьба // Родная Волга. - 2003. - № 3. - С. 54-57.